

Макарова
Оксана

ВОЙНА,

КОТОРОЙ

НЕ БЫЛО...

Оксана Макарова

Война, которой не было

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70335229

SelfPub; 2024

Аннотация

Прошло почти три месяца после окончания войны, но она еще ощущалась везде. Мы расчищали немецкие города от завалов и мин, вывозили оружие и тела, делясь на группы по четыре-пять человек на одно здание. Однажды мы убрали развалины, называемые когда-то школой, выносили оттуда тела, оружие и разбитую мебель. Вдруг кто-то маленький, грязненький, оборванный с большими красными глазами выскочил из-за большого шкафа и с жутким акцентом злобно произнес: – Это тебе за маму! – раздался выстрел.

Оксана Макарова

Война, которой не было

Люди, прошедшие войну, не любят о ней говорить. Они предпочитают уходить от ответов, менять тему или вовсе молчать. Больно и тяжело ворошить страшное прошлое, вновь беречь едва зажившие раны. Однако для них, для тех, чьи жизни навсегда изменила война, нет ничего ужаснее, чем обесценивание событий, ставших их судьбой.

Однажды мой младший брат, мальчик девяти лет, в очередной раз встал из-за стола, говоря:

– Я не хочу есть этот невкусный суп!

– В чем дело, Саша? – возмутился папа. – Все тебе не так.

– Дедушка в годы войны и мечтать о таком супе не мог! – строго проговорила мама, взяв мальчика за руку.

– Как же они войну выиграли, если не ели ничего? Чудеса какие-то! А может, никакой войны и не было?! – выпалил Саша, выдернул руку, метнувшись в сторону двери. От резкого движения он врезался в деда, заходившего в комнату и случайно оказавшегося свидетелем этого разговора. Спокойным, но властным движением дед указал Саше на стул, а сам сел во главе стола.

– Говоришь, не было, наверное, и друзья твои так считают?

Он сделал несколько глубоких вдохов и заговорил, пере-

вода взгляд то на Сашу, то на меня:

– 21 июня 1941 года заканчивался второй год моей службы. Оставалось всего три месяца, в календаре зачеркивались дни, оставшиеся до приказа. Мы строили планы на будущее, каждый мечтал о своем. Тогда никто не верил в возможность войны с немцами, хотя они были уже в Польше. Правда, нас уже вторую неделю везли к границе, но все равно все считали, что это просто мера предосторожности.

Вечером того дня наш отряд был расквартирован в окрестностях литовского города Варена, где-то посреди леса, как это обычно бывало. Разместили нас в палатках по 6 человек, накормили ужином, объявили отбой. Спать не хотелось совсем. Мы лежали и еле слышно переговаривались, прислушиваясь к звукам ночного леса. Постепенно всё смолкло. Лагерь затих. Не помню, как и я погрузился в приятное облако сна.

Проснулся от приближающегося сильного гула. Успел понять: рев самолетов, еще подумал, что для учений слишком рано. Вдруг совсем рядом – взрыв, второй, третий. И началось... Все повыскакивали из палаток, бросились кто куда. Кругом стоны, крики: кто от боли, кто от страха. Паника. Суматоха. Все бегут, и я бегу, куда не знаю. Слева упадет, я – вправо, справа рванет, я – влево. Потом слева бухнуло что-то большое, осколки в разные стороны. Я пригнулся, на мгновение зажмурился, закрыв голову руками. Открыл глаза: прямо передо мной парнишка, упал, как подкошенный.

Трогаю – пульса нет. Ужас охватил меня. Как так?! Он еще теплый! Вот только что спешил спрятаться!

А с неба все сыплется и сыплется снаряды. Вижу боковым зрением, что Ньюра мечется на месте, где еще несколько часов назад была полевая кухня, а теперь ничего не разобрать из-за огня. Я крикнуть ей хотел, чтоб бежала, дура, но успел только рот открыть. Взрывом повалило огромное дерево, и оно упало прямо на нее. Дальше все как в тумане: крики, самолеты, взрывы, люди, и снова крики, взрывы...

Когда очнулся, все уже закончилось. Я пострадал не сильно, видимо, легкая контузия, но все равно сразу не решился встать. Страшно было увидеть то, что неизбежно меня ожидало. Не верил, что такое бывает! Земля была красная от крови. Кругом тела, тела, тела. Тьма тел! Нас около 5000 человек было переброшено, и вот они все тут. Сознание отказывалось понимать, как это возможно?!

Соображая, что предпринять, я приподнялся и огляделся. Рядом лежала винтовка. Взяв ее, я попробовал встать. Голова кружилась и гудела. Неподалеку услышал голоса. Рассмотрел догорающую поленницу. Осторожничая, двинулся в ту сторону. До меня начали долетать обрывки фраз. На русском. Стало легче. Солдаты тоже заметили фигуру человека:

– Кто идет? – щелкнул затвор винтовки. Обрадовавшись, узнал голос Семенова.

– Свои!

– Товарищ сержант! – воскликнул тот и сделал шаг на-

встречу. Я подошел ближе, чтобы меня лучше было видно.

– Здравия желаю, товарищ сержант, – глухо, но в один голос произнесли все.

– Вольно, товарищи солдаты, – так же негромко ответил я.

Приближался рассвет, надо было как-то пробираться к своим. Я предложил начать двигаться вдоль дороги, но из леса не выходить, чтоб спрятаться можно было. Все согласились. Вот так, не сговариваясь, меня признали командиром маленького лесного отряда. Пришлось почти две недели бродить по лесу в поисках своих. Отдыхали по очереди. Двигаться старались только ночью. За это время пришлось спасаться не только от волков и медведей, но и от голода и жажды.

Правда, не всех удалось сберечь... Самого младшего из нас, Саньку, такого веселого, доброго, честного, не успевшего разочароваться ни в людях, ни в жизни, потеряли почти сразу. Когда мы реку вброд переходили, он запутался в водорослях, а тут обстрел... Другой – Валера, чуть старше его был. Артистом мечтал стать. Всё песни пел, стихи читал, рассказывал нам по ролям прочитанные книги. Очень хотел сыграть Ромео. Пошел однажды в сумерках за дровами и не вернулся...

Недели через две набрела на нас группа партизан. Они по сапогам поняли, что мы свои. А все потому, что у русских шляпка гвоздиков была круглая, а у немцев – квадратная.

Вот так я и оказался в партизанском отряде в первый же

месяц той самой войны, которой не было... – Сашка вздрогнул, вынырнув из транса чужих воспоминаний, и встретил сверлящий взгляд любимого дедушки. Он сидел, смотря в одну точку, а мы не могли ни сказать что-либо, ни уйти. Прошло несколько минут гробовой тишины. Потом дедушка повернулся и продолжил как ни в чем не бывало:

– 21 июня 1942 года, в мой второй день рождения, в лагерь прибыл Михаил Егорович, лесник. Он сообщил, что завтра необходимо послать группу, чтобы перехватить важного немецкого генерала, который повезет секретные документы. Было решено, что во главе с Егорычем пойду я, Семенов, Мохов и Королев. По данным разведки, немец должен был ехать в машине с водителем. Но сначала дорогу проверяли мотоциклисты-разведчики. Обычно они ехали медленно, внимательно осматривая и проверяя обстановку на дороге, поэтому в них было легко попасть. Это должны были сделать я и Ярослав. Потом нужно посадить убитых охранников так, чтобы со спины не было понятно, что случилось, и вернуться в засаду. Дождаться, когда подъедет машина, водитель выйдет, и стрелять по нему на поражение, а важного «языка» взять в плен.

Мы сделали все, как договорились, забрали у охранников оружие, но не успели и шагу сделать, как раздалась автоматная очередь. Я успел спрятаться за мотоциклом. Ярослава же моего сразу наповал, сволочи! Наши из засады прикрыли меня, и немец, видимо, решив, что меня убил, стал поливать

по ним. В это время я сделал кувырок и оказался за стволом поваленного дуба, прицелился и стрелял, стрелял, стрелял. За Ярослава, за ребят, которые навсегда остались там в лесу, за Ньюру, за тех, кто уже никогда не вернется домой, за тех, кто не успел начать жить, любить, познавать мир. Наконец, он упал. Я убедился, что он не шевелится, и осторожно пошел к нему. Да, такое сложно забыть! Даже спустя много лет! Немец смотрел на меня остановившимся, ничего не выражающим взглядом, от которого мурашки по коже бежали. Подошел Егорыч. Вдруг рация охранника, лежавшая на земле, зашипела, грубый голос стал что-то кричать по-немецки. Не растерявшись, Миша произнес прямо в динамик по-немецки, что путь свободен. Наступило молчание. Это были самые длинные тридцать секунд в моей жизни. «Sehr gut», – ответил грубый мужской голос фразой, понятной без перевода. Я с восторгом и уважением смотрел на нашего спасителя. Он же, не изменив выражения лица, сказал, что надо занять позиции. Мохов должен был остаться в засаде для прикрытия. Задача Павла Королева была с первого выстрела убить водителя, а наша – схватить фашистского генерала.

Паша со своей задачей справился прекрасно. Я решительно двинулся к машине, но Егорыч оттолкнул меня со словами: «Рано тебе еще умирать!». Я упал возле колеса. Он же в один прыжок оказался возле автомобиля и дернул за ручку дверцы. Послышался выстрел. Егорыч стал оседать. Еще один выстрел. Послышались стоны немца. Я подполз к Его-

рычу. Он смотрел прямо на меня своими ясными голубыми глазами и улыбался так, будто ничего не произошло. Он был еще жив. В это время Паша связал руки немцу своим ремнем, а ноги его ремнем. Решили, что мы с Моховым понесем Егорыча, а Королев будет идти сбоку и держать под прицелом генерала. Так шли мы часа три. Фашистский генерал рассказал много важного. Егорыча спасти не удалось.

Прошел еще один год войны, страшный год. Страшный не потому, что он как-то сильно отличался от прошлого количеством смертей или лишений. Нет, просто пришло осознание того, что война быстро не закончится. У нас в роте в основном были простые парни, деревенские, совсем еще зеленые, и все, как и я, были уверены, что войны не будет! Не может быть! После первого обстрела надеялись, что она ненадолго. Не больше, чем на пару месяцев. И вот прошло два года. Стало понятно, что мы сильно заблуждались. Заблуждались не только в этом... Когда мне пришлось убить первого немца, я сам чуть не умер от страха и сердечной боли. Надеялся, что он будет последним. Как же сильно я ошибался! Сначала вел счет убитых мною. А потом к нам в плен стали попадать совсем молоденькие, испуганные, ничего непонимающие. Не убивать я не мог: убили бы меня. Но считать перестал. Мне стало жаль и их, и нас.

Боже, какие крики стояли в лазарете! Ноги, руки без наркоза резали. Ушли из деревни мальчишки здоровые, полные жизни, а вернулись инвалиды, с потухшими глазами и пока-

леченной жизнью. А прошло-то всего чуть больше двух лет. И хорошо еще, если вернулись.

А когда зима пришла, стали умирать не от пуль и снарядов, а от холода и голода. Жажда! Как страшно хотелось пить! Еще и снег есть запрещали.

А ведь еще одежду как-то чистить надо. Стирать нечем, так мы одежду палили. Да, да! Пропаливали! – повторил дедушка, отвечая на немое удивление слушателей. – Воды то нет, а дезинфицировать как-то надо, – пояснил он и замолчал. Прошло несколько минут.

– Некоторые с ума сходили. Так их приходилось застреливать, – неожиданно произнес он. – Да, в своих же стрелять! Порой так хотелось сойти с ума, чтобы это все побыстрее закончилось. Вот товарищ мой, Мишка, студент, невеста у него была в Саратове. Так он с ней умудрялся переписываться. Письма, правда, редко приходили, но он такой счастливый был, когда их читал и перечитывал. А тут что-то месяц, другой проходит, а писем все нет и нет. Он старые уже до дыр зачитал. До сих пор помню его глаза, когда почту раздавали. Столько радости, надежды, любви! И вот, наконец, ему передают долгожданный конверт, он торопливо открывает, читает. Вижу, что с каждой строчкой лицо его меняется, жестче становится. Дочитал, вскочил, бросил листок и выбежал. Я поднял его, пробежал глазами. Убили. Мишка вернулся только к отбою, бросился на кровать. Я не знал, что тут можно сказать. Он повернулся ко мне и прошептал: «Я

завтра буйнить буду, ты скажи – свихнулся, пусть на трибунал ведут. Хотел застрелиться – не смог!» Я, дурак, промолчал. Хотя, что тут скажешь. На следующий день всё так и случилось. Спустя два дня его расстреляли.

В течение всего следующего года все ближе и ближе подходили красноармейцы. Это внушало надежду. Общий дух отряда поднимался с каждой новой весточкой о наступлении советских войск. Весной мне доверили диверсионную группу солдат-новобранцев. Дали приказ. Заминировать железную дорогу, чтобы устроить крушение немецкого поезда с вооружением и провизией. 21 июня 1944 года, за день до начала операции по освобождению Белоруссии, мы выполнили все подготовительные работы. По данным разведки, на нашем участке по мосту должны были проехать три поезда, и чем больше мы успеем взорвать, тем лучше.

Мы на месте. Ждем. Минут за пять до назначенного времени на горизонте показалась баржа с нашими пленными. Ровно в момент начала движения поезда по мосту она заплыла под него. Я не смог отдать приказ. Второй ожидали через пару часов. За это время к нам прибежал гонец с негодованием. Я объяснил ситуацию, сказал, что иначе поступить не мог. Спустя некоторое время он вернулся с приказом взорвать следующий поезд в любом случае. Когда подъехал второй состав, повторилась та же ситуация. Я снова не смог. На этот раз приехал начальник отряда. Кричал. Грозил трибуналом. Я молча глядел ему в глаза. Когда же он, наконец, за-

молчал, я спокойно и уверенно сказал:

– Делайте со мной что хотите, но взрывать я не буду!

– Хорошо. Тогда я сам буду руководить! – уже тише сказал он.

Все время ожидания он сдержанно молчал. Показалась баржа. Поезд. Прошел половину. Я выдохнул.

– Взрывай!

Прошло почти три месяца после окончания войны, но она еще ощущалась везде. Мы расчищали немецкие города от завалов и мин, вывозили оружие и тела, делясь на группы по четыре-пять человек на одно здание. Однажды мы убрали развалины, называемые когда-то школой, выносили оттуда тела, оружие и разбитую мебель. Вдруг кто-то маленький, грязненький, оборванный с большими красными глазами выскочил из-за большого шкафа и с жутким акцентом злобно произнес:

– Это тебе за маму! – раздался выстрел.

Он прошел по касательной. Пацан сам испугался, бросил пистолет и упал на пол, заливаясь слезами. Я подошел, взял его на руки и укутал в плащ. Так стоял, качая его на руках и давась слезами вместе с ним. – Дедушка замолчал, судорожно набирая ртом воздух.

Было понятно, что воспоминания разбередили старые, но до сих пор не заживающие раны. Мы сидели не в силах что-либо произнести. Этот рассказ произвел на нас ошеломляющее впечатление и лучше всех фильмов и книг дал нам по-

нять, что ни в коем случае нельзя забывать, как много сделали наши бабушки и дедушки для нас, ведь если предать забвению их подвиг, исказить их жизни, все может повториться.